

Елена ГАПОВА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ЧИНОВНИКИ

Е. Вишленкова, Р. Галиуллина, К. Ильина. Русские профессора. Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с. Литература. Именной указатель. ISBN: 978-5-86793-945-8.

Книга “Русские профессора” посвящена, как указывают авторы, “профессиональной культуре специфической социальной группы – русских профессоров” (под “русскими” понимается подданство). Это историческое исследование, в фокусе которого находятся события XIX в., оказывается очень актуальным в свете дебатов относительно миссии университетов, академической ав-

тономии, корпоративной солидарности, статуса и вознаграждения ученых, которые происходят в настоящий момент в разных формах и форумах, в том числе в научных журналах,¹ на постсоветском пространстве. Эти дебаты стали особенно активными осенью 2012 года, когда, с одной стороны, были озвучены некоторые инициативы российского правительства по реорганизации науки (составлен список “неэффективных вузов”, предложена реструктуризация некоторых гуманитарных институтов и т.д.). С другой стороны, стали широко освещаться в прессе факты плагиата (вплоть до публикации чужих статей под своим именем), липовых научных публикаций и фальшивых диссертаций, т.е. профанации и дискредитации того специфического вида экспертизы, который составляет капитал

¹ См., напр., специальный выпуск журнала *Laboratorium* “Российская социология: локальный и глобальный контекст” (*Laboratorium*. 2009. № 1); Елена Гапова. Национальное знание и международное признание: постсоветская академия и борьба за символические рынки // *Ab Imperio*. 2011. № 4. С. 289-323; *Антропология академической жизни*: Сб. / Под ред. Г. Комаровой. Москва, 2010.

производителей научного знания. Таким образом, дискуссии о высшем образовании и организации науки вышли за рамки академии и стали частью широкого общественного обсуждения как в СМИ, так и в социальных сетях.² Однако те проблемы, с которыми столкнулись постсоветские ученые и интеллектуалы, – отношения с университетской администрацией и государственной властью, финансирование исследований, смысл и статус науки в обществе, положение производимых научных продуктов на глобальном символическом рынке и их признание западной академией, собственно роль ученых и интеллектуалов (которые стремятся отстоять для себя статус “мозгов” нации³) – имеют давнюю историю в России. Они получают если не объяснение, то контекстуальное историческое укоренение в процессах и дискуссиях почти двухсотлетней давности, которым посвящены “Русские профессора”.

Как указывают авторы книги, их главный интерес составляло изучение “ученого сословия как саморегулирующегося механизма” (С. 8), т.е. уход от исследо-

вательской традиции, рассмотрившей университет как деперсонализированный институт, и сосредоточение внимания на комплексе ценностей и этических норм, поддерживающих единство и групповую солидарность довольно разных людей. Книга состоит из двух частей и соединяет исследовательский нарратив и архивную публикацию. К идее такого объединения авторов подтолкнула работа в международном проекте “Где университет, там Европа: трансфер и адаптация университетской идеи в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX века” (поддержанном германским историческим институтом в Москве и Фондом Герды Хенкель). Часть первая начинается с “Предупреждения читателя”, за которым следуют три раздела: “Административные тяготы профессоров”, “Воспроизводство себе подобных” и “Этосы профессионального служения”. Они посвящены участию “русских профессоров” в административном управлении университетами, их воспитательной (а иногда и надзорной) деятельности в от-

² См., напр., коллективное обсуждение: “Как бороться с плагиатом?” The Bridge/Мост. 2012. Т. 3. № 2. <http://thebridge-moct.org/pages/comments/plagiat/> (Последнее посещение 3 января 2013 г.).

³ Напр., авторы специального номера философского журнала “Топос”, посвященного сокращению в постсоветских университетах объема философских дисциплин, пишут: “...полезность гуманитарных наук для общества невозможно измерить экономической меркой”. См.: Топос. 2012. № 1.

ношении студентов и, наконец, формированию корпоративного этоса. Вторая часть тома представляет собой подборку документов из университетских архивов – хранилищ корпоративной памяти, предваряемую двадцати-страничным “Археографическим предисловием” и завершаемую списками публикуемых документов, имен, встречающихся в тексте документов, сокращений и т.д. Материалом исследования явились архивы трех старинных российских университетов – Московского (год основания 1755), Казанского и Харьковского (год основания 1804). Таким образом, одна из изучаемых университетских “корпораций” находилась в центре, в непосредственной близости от “власти”, а две другие характеризовались различной степенью провинциальности, что сказывалось как на возможностях получения финансирования, так и на некоторых других аспектах научной и академической жизни. По понятным причинам речь в книге “Университетские профессора” идет исключительно о мужском сообществе и, хотя авторы не указывают на это непосредственно (возможно, полагая, что читателям это ясно), том предваряется высказыванием историка Ирины Савельевой, – которой и посвящена книга, – об образе идеального профессора: “Для меня

профессор – это мужчина. Очень образованный, очень знающий... При этом принципиальный, обремененный ценностями, способный на поступки”. В дальнейшем обзоре я сконцентрируюсь на главной, как мне представляется, теме книги: университетской автономии, отношениях профессоров с государственной властью и осуществлению контроля над знанием.

Раздел 1 – “Административные тяготы профессоров” – посвящен становлению университетов в российской провинции в начале XIX в. Учрежденные вследствие процесса европеизации государства и возникшей потребности в квалифицированных специалистах для осуществления управления империей, университеты стали воплощением процесса адаптации университетской идеи в России. Как пишут авторы, “дарованная” российским университетам автономия с самого начала являлась проблематичной: “с момента основания российские университеты обрели государственный статус” (С. 25), хотя обладали формальными признаками корпорации – выборностью должностей, правом коллективного решения о присуждении степеней и т.д. Многие из этих свобод, однако, имели декларативный характер, а некоторые были пересмотрены в университетских уставах

середины века: по уставу 1835 г. университеты были признаны государственными учреждениями, а не учеными сообществами. В России, в отличие от Европы, откуда и пришла идея университета как особого социального пространства, “академическая автономия” (это, по определению российского социолога М. Соколова, означает, что только сами ученые могут оценивать достижения своих коллег⁴) не выростала из собственного опыта научной жизни и практик формирования корпоративной солидарности. В этом отношении выделялась только ситуация в Московском университете, имевшем претензии на статус “национального”, особенно после пожара 1812 г., когда его восстановление рассматривалось как национальная задача, что способствовало формированию корпоративной солидарности (С. 40). Совсем по-иному, однако, обстояли дела в Казани, где уклад жизни определялся запросами богатых помещиков, а административные ресурсы университетских профессоров, так и не ставших равными с помещиками по статусу, были весьма небольшими. Провинциальный Харьков, казалось, демонстрировал большую, по сравнению с Казанью, автономию, однако и там это было следствием активности

университетских попечителей, а не самих профессоров.

Начиная с 1830-х гг. российские власти взяли курс на искоренение остатков самоуправления. Шедшие в чиновничьей среде дискуссии о том, как сделать управление университетами эффективным, касались практических вопросов: кому вверить надзор над учебной частью, кто должен отвечать за расходование бюджетных денег, по какому принципу назначать деканов и т.д., в то время как профессора в целом не выказывали желаний нести административные тяготы, а многие не только не требовали независимости от политической власти, но и предлагали усилить взаимодействие университетской администрации с государственной бюрократией (С. 48). Новый попечитель по части университетов князь С. М. Голицын полагал, что профессора должны быть “кабинетными людьми науки”, и вообще сомневался в том, могут ли ученые представлять государственные интересы (С. 50). Именно в это время принимаются предписания, запрещающие профессорам вступать в тайные общества и в целом нормирующие их поведение. Как становится очевидным из приведенных авторами свидетельств, недоверие россий-

⁴ М. Соколов. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 9.

ских властей к интеллектуалам и стремление их формально контролировать имеет давнюю историю.

Причины сомнений бюрократов в деловых и идейных качествах профессоров становятся яснее в общем контексте российских академических реформ середины XIX в. В частности была проведена ревизия университетского устава, взят курс на искоренение идейной автономии интеллектуалов, которым запрещалось вступать в тайные общества и предписывалось посещать обязательные богослужения в университетских храмах, носить форменный костюм, предоставлять конспекты лекций на проверку, а результаты исследований – на цензуру (С. 58). Эти реформы осуществлялись в общем контексте консолидации “нации”, когда основная задача формулировалась как успешное противостояние Западу как скрытому врагу (с этого момента научные стажировки на Западе представляются опасными) и защита от его покушений. По мере превращения “русскости” в организующее начало империи профессора стали играть роль “культурных антропологов”, эксклюзивных знатоков народной жизни (С. 159). Таким образом, в проекте “русской науки” задача университета была перекодирована в интеллектуальную цель конструирования националь-

ных традиций и формирования имперских культурных границ (С. 55). В этой точке цели чиновников и профессоров в какой-то момент могли совпадать: необходимость иметь научное описание российских подданных, получить этническую карту Евразии и стремление российских элит отделить особую российскую цивилизацию от “мира невежества” (т.е. пересмотреть границы варварства и цивилизации) давали мощный инструмент для повышения статуса и достижения автономии профессоров.

Вместе с тем авторы книги указывают на важную с точки зрения борьбы групповых интересов причину усиления бюрократического контроля над профессорами. Знание становилось все более специализированным, и попечители, которые были не в состоянии следить за его развитием и соответствием идейным установкам, требовали чтения лекций строго по конспекту, трансляции согласованного нормативного знания (аплодисменты в аудитории порождали подозрения в инакомыслии). Они стремились вводить дисциплинарные меры, строго регламентирующие научную и академическую деятельность. Российские чиновники связывали классическую модель университета, созданную фон Гумбольдтом, с возможностью государственного

регулирования академической жизни: университеты превращались в часть государственной машины и источник для получения полезного (необходимого для управления империей) знания. В то же время университетское сообщество, не имея традиции независимого цехового существования, не породило из своей среды бюрократию, которая понимала бы специфику университетской жизни, не рассматривала профессоров как подконтрольных подчиненных, а продвигала бы общие интересы корпорации.

Таким образом, дальнейшая история существования университетского знания в России, борьбы за его освобождение от государственного и бюрократического контроля и возникновение корпоративной солидарности связаны с политизацией науки. Массовая наука, чтение публичных лекций становились инструментом политики, лекция в университетской аудитории превращалась в гражданский поступок, в то время как собственно научная репутация в меньшей степени являлась инструментом достижения независимости.

Выводы авторов об усилении вненаучных оснований академической репутации очень важны для понимания тех современных проблем российской академии и науки, которые упомянуты в

начале рецензии. Тенденция к политизации возникла внутри университетского мира и продолжалась в общественном сознании и в XX в. В советском и особенно в позднесоветском обществе популярностью пользовалось представление о том, что для дореволюционной российской науки, на которую предполагалось равняться либеральной интеллигенции, был характерен особый этос профессионального служения, стремление к свободе слова и мнения, профессиональная солидарность, “прогрессивность”, либерализм и включенность в политику. Очевидно, в связи с отсутствием возможностей политического участия для российских граждан к концу XIX в. это в значительной степени было так, что может рассматриваться как свидетельство гражданских качеств и этоса многих российских ученых. Вместе с тем политизация позволяет понять причины отсутствия собственно академического основания для выстраивания научных репутаций. Полем их легитимации является не профессиональная корпорация и не институт производства знания, включающий признанную иерархию университетов, научных журналов, независимого рецензирования, академически ориентированного книжного рынка, цитирования и т.д., а “общественное мнение”,

позиция министерства или вердикт партийного руководства, обладавшего в советский период монополией на научную истину.

Поставив изначально задачу рассказать на основании документов о “новом типе университета”, возникающем на периферии западного мира и в условиях рационального управления (С. 10), авторы предложили плодотворную модель анализа. Опираясь на документы, они, тем не менее, уходят от их описания и пересказа и предлагают их концептуализацию в терминах “автономии”, “солидарности”, “групповых интересов”, “контроля”, т.е. концептов, характерных для современной социологии знания. Таким образом, книга “Русские профессора” соединяет скрупулезный историографический и историко-социологический анализ. Ее можно рекомендовать как историкам, так и социологам науки – всем, кто изучает функционирование российской, советской и постсоветской академии.

Владимир СКЛОКИН

Андрій Портнов. Історії істориків. Обличчя й образи української історіографії ХХ століття. Київ: Критика, 2011. 240 с. Показчик імен. ISBN: 978-966-8978-46-3.

Новая монография Андрия Портнова объединяет в себе две очень редкие для современной украинской историографии перспективы. С одной стороны, это не просто традиционная история историографии, где главным героем является историк, который исследует определенную проблему в прошлом. Портнов предлагает серьезную интеллектуальную историю, где героем является историк как ученый, несущий ответственность за состояние своего научного сообщества, и как интеллектуал, пытающийся осмыслить современность и свою роль и место в ней через исследование прошлого. С другой – книга Портнова является одной из первых работ в современной украинской историографии, где предпринимается попытка глубокого нюансированного анализа феномена советской историографии с перспективы взаимодействия историков и советского режима, в том числе их роли в формировании этого режима.

В первой главе, которая имеет многообещающий заголовок